

21 декабря. Лаврентия

Дорогой Иверий!

Страшно представить, но я сейчас на самом конце света. Дальше некуда. Остается только выйти за пределы поселка и направиться к Берингову проливу. В сравнении с Анадырем здесь тепло (о Билибино и говорить нечего) и совсем нет снега...

Я уже писал о наших пространствах, которые не перестают поражать. Восемь часов я летел вдоль нашей северной границы, затем пересек Чукотку с севера на юг и, казалось, очутился на краю Земли. Но нет. От Анадыря на восток можно лететь еще полтора часа. Там, оказывается, находится целая страна! И это после того, как страна вроде бы закончилась. От Анадыря до Лаврентия расстояние такое, как от Москвы до Санкт-Петербурга, только надо умножить каждый километр на десять или даже на двадцать: таково соотношение трудностей по их преодолению. А может, каждый километр следует умножить на сто? Никто ведь не сопоставлял.

Вылетели днем, и я мог наблюдать Чукотку с высоты. Внизу — все та же белая безжизненная пустыня. С правой стороны — неестественно большое красное солнце, с левой — такая же огромная бледно-желтая луна. Но и солнце, и луна находились внизу, под крыльями самолета. Между сопками виднелись разной величины плоские черные пятна. Это замерзшие озера. Пролетали над заливом Креста. Он покрылся прозрачными ледяными пластинами, словно чешуей. В конце этого залива находятся бухта Этэлькуйым и поселок Эгвекинот. Проплывая над безмолвной пустыней, невольно размышляешь о странностях человеческой мысли и воли, которые иначе, чем безумием, не назовёшь.

...Наши несостоявшиеся завоеватели, те же Наполеон и Гитлер, слыли хоть и бесноватыми, но все же не лишенными признаков ума. Чего они хотели? Во что ввязались? На завоевание чего бросились? Да не одни. Притащили с собой бесчисленные орды, а перед тем убедили их, уговорили, соблазнили. Куда сунулись, если только на объезд этих территорий уйдет жизнь? А ведь их великие армии погибли, как говорится, «на подступах к Москве». Пали в тех местах, где и зимы-то настоящей нет, где умеренный климат, где жить русскому — одно удовольствие и куда стремятся уехать наши северяне. Что случилось бы с этими ордами, попади они в те места, над которыми я сейчас пролетаю? Ну ладно. Представим, что они нас завоевали, покорили, подчинили. Что дальше? Что делать со всем этим добром на следующий день... нет, нет, на следующее утро? Как этим бесконечием управлять, как властвовать над ним? Как на этих архаичных пространствах организовать жизнь или хотя бы её видимость? Где отыскать силы на то, чтобы только вбить колышки и пометить: «Моё»? Не говоря о том, чтобы эти колышки охранять. Ведь спустя полчаса половину их разворуют, часть снегом припорошит, остальные исчезнут сами... Как не поймут наши «завоеватели», что крест, который несёт Россия, неподъемный больше ни для кого. Этот крест — в удержании немислимых, чудовищных, катастрофических пространств. Взвалить его на себя — значит раствориться, размыться, бесследно исчезнуть, как исчезает к полудню лесная дымка. И самое большое чудо в том, что мы до сих пор не исчезли. Да если бы удерживать приходилось только пространства... Что делать с их обитателями? Ведь не только персонажи Достоевского живут в наших городах и весях, одно упоминание о которых должно отвратить от нас всякого завоевателя. Есть еще и герои Салтыкова-Щедрина, Лескова, Чехова... А за семьдесят советских лет мы украсили эту бессмертную галерею новыми персонажами, которые классикам и не снились. А за последнее десятилетие вывели еще более новых... Притом что и старые никуда не делись. Но что я пекусь о

завоевателях? Каково нашим собственным начальникам? Алчущие и страждущие, стоящие на пороге власти или только делающие в её сторону первые шаги, прибывают они в столицу и, затаив дыхание, глядят на кремлевские башни, с вожделием, завистью, потаенной страстью и умопомрачительными мечтами взирают на неприступные стены, на увенчанные крестами храмы и колокольни, на роскошные белокаменные строения, пытаясь в своем воображении проникнуть за стены, войти в палаты и во дворцы. А надо бы начать с тихого дворика на Никитском бульваре и подойти там к старому памятнику Николаю Васильевичу, к тому, где Гоголь сидит, тщетно закрываясь плащом и во что-то пристально вглядываясь. Но прежде чем всмотреться в печальный лик писателя, надо осмотреть пьедестал и тот непостижимый хоровод персонажей, опоясавших, опутавших своего создателя. И, обойдя памятник, нужно остановиться, взглянуть на прохожих, на тех, кто рядом: как они ходят, о чем говорят, какие у них лица... И тотчас бежать к зеркалу, к ближайшему окну, ко всему, что только способно отражать, и посмотреть еще и на себя... Что делать с нами? Как нами управлять? Возможно ли это? Ведь в той северной стране, пролетая над которой за полсуток не встретишь огонька, — в действительности проистекает жизнь. Только все живое, способное к движению, разбежалось и схоронилось: кто в норы, кто в берлоги, кто в гнезда, а кто в яранги, юрты, палатки, хрущевки, в прочие жилища, — и там, пригревшись у очага, свернувшись калачиком, посапывая и похрапывая, разомлев и расслабившись, пребывая в бесконечной неге, прячутся персонажи моей страны...

Как не пожалеть тех, кто силится разбудить их и вытащить наружу? Как не сострадать тому, кто пытается убедить их в своей правоте, хочет подчинить своей идее и своей цели?..

Наконец самолет пошел на снижение. Сопки становятся пологими, почти бесснежными, и вот... передо мной черта евразийского континента и Берингов пролив. Самолет делает вираж в сторону залива Святого Лаврентия и заходит на посадку.

Я увидел коричневатую тундру, разбросанные черные бочки и серый вытянутый поселок с темными дымящимися трубами и несколькими пятиэтажными домами.

Дорогой Иверий! Мои впечатления о Билибино и Анадыре я тебе уже отослал. Готов выслать и впечатления о Лаврентия. Только сделать это непросто. Скорее всего я сам привезу их в Москву и только потом переправлю в Питер. Пока же я с тобой прощаюсь.

* * *

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мои анадырские приятели с сомнением отнеслись к моей поездке в Лаврентия: «Куда? Там такая дыра!» Они бы удивились, увидев моих московских друзей, крививших губу при упоминании Анадыря. Поразительно, но, когда уже в Лаврентия я заикнулся, что хочу попасть в Уэлен, реакция была такой же: «В Уэлен? В такую дыру?» У каждого свои представления о «дырах», и предела этим представлениям нет, как, впрочем, нет предела и самим «дырам».

Северо-восточное окончание евразийского континента, которое уместнее называть его началом, находится на Чукотском полуострове. Но, если приглядеться, на этом полуострове есть еще один полуостров — Дауркина. Вот он и есть Чукотский район с административным центром в Лаврентия. В Чукотском районе все самое чукотское, и, если задаться вопросом: где все-таки настоящая Чукотка? — ответ очевиден: здесь!

С севера и юга район омывается Чукотским и Беринговым морями; на западе граничит с Провиденским и Иульгинским районами, а на востоке мимо проносятся воды Берингова пролива. На другой стороне пролива, всего в восьмидесяти километрах, — Аляска. Между континентами, точно посередине, находятся

острова Диомида, состоящие из островов Ратманова, Крузенштерна и скалы Фэруэй.

Известно, что Берингов пролив открыл отчаянный казак Семен Дежнёв, сумевший в сентябре 1648 года на трех небольших суденышках (кочах) проплыть мимо «Необходимого носа», то есть «носа, который невозможно обойти». Вот отрывок из «отписки» Дежнёва, которую тот послал из Анадыря в Москву в апреле 1655 года. Это свидетельство и великого географического открытия, и того, что случилось с нашим языком за последние три с половиной века.

«...А съ Ковыми (*Колымы — авт.*) реки итти моремъ на Анандырь реку есть носъ, вышелъ въ море далеко... а противъ того носу есть два острова, а на техъ островахъ живутъ чухчы, а врезываны у нихъ зубы, прорезываны губы, кость рыбей зубъ (*речь об эскимосах — авт.*), а лежитъ тотъ носъ промежь сиверь на полуношникъ (*между севером и востоком — авт.*), а съ Рускую сторону носа признака (*ориентир — авт.*): вышла речка, становье тутъ у чухочъ делано (*Наукан или Уэлен — авт.*), что башни изъ кости китовой, и носъ поворотитъ кругомъ къ Онандыри реке подлегло (*то есть, не круто — авт.*), а доброго побегу отъ носа до Онандыри реки трои сутокъ, а боле нет, а итти отъ берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала въ губу».

Действительно, если посмотреть на полуостров Дауркина из космоса, то он живо напомнит голову хищного доисторического ящюра. Кончик носа этого тираннозавра и есть крайняя точка континента — мыс Семена Дежнёва. Чуть выше расположен легендарный Уэлен. С тех пор как исчез эскимосский поселок Наукан, Уэлену принадлежит честь называться самым восточным населенным пунктом.

Немного ниже носа воображаемого хищника, примерно в восьмидесяти километрах к югу, начинается огромная пасть. Это залив Святого Лаврентия.

Своим звучным и благообразным названием залив обязан знаменитому Джеймсу Куку. Хотя еще за тридцать лет до него землепроходец Тимофей Перевалов нанес залив на карту. Кук оказался более расторопным. Направляясь к Ледовитому океану, он 10 августа 1778 года заметил слева по борту залив, уходящий на северо-запад. И это несмотря на пасмурную погоду, дождь и сильный ветер. Поскольку событие произошло в день святого Лаврентия — покровителя странствующих, — Кук присвоил заливу имя этого святого.

Невзирая на обидное для нас обстоятельство, Кука в этих местах есть не стали, хотя он почти месяц тыкался носами своих кораблей о чукотские берега, тщетно пытаясь попасть в Европу, минуя наши северные границы. То ли аборигены были патриотами и ублажать желудки иноплеменными белками не желали, то ли, наоборот, миролюбивый характер не позволял есть иностранца; а может, они были заняты чем-то другим и им было не до Кука; возможно, сам путешественник еще веса не нагулял, — известно только, что он целым и невредимым отправился зимовать на Гавайи, где спустя полгода был вроде бы съеден местными жителями. Не с тех ли пор Гавайские острова стали называть еще и Сандвичевыми?

Говоря о географических открытиях, надо признать их некоторую условность и иногда добавлять, что данное открытие совершено нами и для нас. Ведь на всех этих «открываемых» землях испокон веков жили, развивались и умирали цивилизации, которым мы не можем отказать в праве считать себя центром мироздания. Это значит, что на бескрайних просторах Чукотского полуострова, и особенно вдоль его берегов, жизнь кипела и была полна событиями независимо от того, знали о том наши просвещенные предки или нет. До Джеймса Кука побережье залива Святого Лаврентия посещали русские первопроходцы, в том числе ученый-

чукча Николай Иванович Дауркин-Тангитан, именем которого назван полуостров. И все наши первопроходцы свидетельствовали о жизни народов в этих местах. О том же напоминают археологические находки, которым нет числа.

Вот какими предстали залив и его окрестности перед Адальбертом Шамиссо (1781-1838), немецким лирическим поэтом и естествоиспытателем, участником кругосветного путешествия вместе с Крузенштерном на «Рюрик» (1815):

«...бухта Св.Лаврентия въ земле Чукчей представляет печальный и пустынный видъ. Здесь на низменностяхъ были одни снежныя поля (в июле) и болота съ редкими растеніями, въ высшей степени носящими альпійскій характеръ. Подъ здешнимъ суровымъ небомъ непокрытыя и незащищенныя растительностію горы стареютъ и разрушаются. Отъ мороза трескаются скалы; съ каждымъ летомъ умеренная теплота вызываетъ новыя развалины, и разрушеніе продолжается до конца. Почва повсюду состоитъ изъ обломковъ скаль...»

Что касается поселка Лаврентия, то его история берет начало с появления так называемой культбазы.

Сейчас не определить, кому пришла идея соединить слово «культура» со словом «база», но, родившись в эпоху самых неожиданных и смелых нововведений, это словосочетание возражений ни у кого не вызывало. *Культбаза* должна была соединить различные административно-хозяйственные учреждения региона. Поскольку идея создания *культбазы* восходит к 1925 году, то есть ко времени расцвета нэпа, её возникновение нельзя отнести к началу установления колхозно-совхозного строя. Дело в другом: советская власть надеялась распространить влияние на территориях, где хозяйничали американцы. Поскольку в центральных советских органах служили не только идеалисты, карьеристы и проходимцы, в состав новообразованнаго Комитета содействия Северу были включены

специалисты, в частности В.Г.Тан-Богораз, вернувшийся к тому времени из США.

К началу функционирования, осенью 1928 года, *культбаза* состояла из ветеринарного пункта, мастерской по ремонту руль-моторов и бытовой техники, больницы, цинкового склада, дома фактории, школы-интерната и трех жилых домов. Чуть в стороне стояли несколько яранг. В одной из них жил косторез Онно, запечатлевший *культбазу* на моржовом клыке. Вся эта инфраструктура, расположенная на берегу залива, стала впоследствии поселком Лаврентия. Вот какой нашел *культбазу* писатель Тихон Захарович Семушкин (1900-1979):

«На левом берегу залива в десяти километрах от входа в бухту, возле склона горы приютились одиннадцать европейских домиков Чукотской *культбазы*. С горы бежал ручей, по улицам ходили люди в европейских костюмах, дамы на французских каблуках, и по улице до самого моря протянулась железная дорога — "узкоколейка". Казалось, что Чукотку мы прошли и попали в другое место...»

Наталья Павловна Отке — директриса окружного краеведческого музея — родилась в Лаврентия. К семидесятилетию *культбазы* она подготовила очерк, в котором пишет:

«Инструктора по советскому и кооперативно-колхозному строительству, женорганизаторы, политпросветчики, врачи, ветеринары, учителя, охотоведы, ихтиологи, зоотехники-оленоводы, краеведы — вели работу коллективно, по единому плану, под руководством заведующего *Культбазой*. Сотрудники *Культбазы* работали не только в кабинетах, но и в стойбищах, в период перекочевок оленеводов на далекие расстояния. Ни полярная ночь, ни суровая стужа, сопровождаемая арктической пургой, ни порожистые реки — не являлись препятствием для

выполнения работы. Многие изучили эскимосский и чукотский языки и вели разъяснительную работу исключительно на них».

Неустанно трудились врачи, работники культуры, но именно на учителей легла самая тяжелая нагрузка. Они занимались всем: от обучения азбуке — до формирования кооперативов и зверобойных артелей. Наталья Павловна считает, что первым учителям Чукотки надо поставить памятник, а их именами назвать улицы в поселках. Кстати, её дядю звали Базилом.

В историю Лаврентия навсегда вошли и челюскинцы. Их пароход был зажат во льдах, затонул, а сами герои экспедиции оказались на льдине в Чукотском море. Спасали челюскинцев всеми возможными для того времени способами и доставляли в Уэлен. Часть спасенных оказалась в Лаврентия, поскольку здесь была больница, единственная на полуострове, а также аэродром. В своих воспоминаниях челюскинцы именуют культбазу бухтой Лаврентия. Следовательно, поселком они её не воспринимали. Вот выдержки из воспоминаний Сергея Семенова, секретаря экспедиции:

«К 1 мая в лаврентьевской больнице скопились 16 больных челюскинцев, из них шесть тяжело больных. Кроме челюскинцев в больнице лежали несколько чукчей, в том числе роженицы. Единственная больница на Чукотке, надо признаться, достаточно убогая, плохо снабжена, примитивно оборудована, имеет малочисленный обслуживающий персонал. Несмотря на истинно героические усилия главврача Елизаветы Петровны Кузьминой и единственного помощника главврача Зинаиды Николаевны Котовой, больница конечно не смогла бы справиться с неожиданным наплывом больных...»

Челюскинцы починили двери и кровати, пошили постельное белье, привели в порядок хирургические инструменты, раздобыли уголь, отремонтировали печи и организовали питание. Можно представить состояние больницы до их прибытия. Сергей Семенов пишет:

«Наладили отлично общую столовую. Нашли достаточное количество посуды. Повара собственные, пекаря — тоже... Была даже вытоплена баня. Баня имелась на культбазе, но ее уже не топили целых полгода. Для того, чтобы вытопить ее, понадобилась тонна угля. Зато в бане, кроме челюскинцев, вымылось все население культбазы. На складах культбазы челюскинцы разыскали неисправную динамо, испорченный киноаппарат и запас изорванных фильмов. Все это починили и организовали для всего населения культбазы периодические сеансы...»

В середине мая 1934 года подлечившиеся челюскинцы покинули Лаврентия, оставив после себя, кроме отремонтированных домов, больницы и бани, теплые воспоминания.

Следующий этап в жизни поселка начался с переноса сюда, в 1942 году, районного центра из Уэлена. Связано это было прежде всего со строительством нового аэродрома, как говорят, лучшего из всех грунтовых аэродромов Чукотки. Во время войны Лаврентия выполнял важнейшую стратегическую функцию. Здесь осуществляли промежуточную посадку самолеты, доставлявшие из Америки грузы по так называемому «ленд-лизу». Для обслуживания аэродрома были необходимы квалифицированный персонал и условия для его работы.

Кроме Уэлена, в Чукотском районе есть еще несколько поселков, самый далекий из которых — Нешкан. С эскимосского — «Голова». Находится Нешкан на побережье Чукотского моря, в трехстах километрах от Лаврентия. Там же, на побережье, есть еще

один поселок — Энурмино, что означает «Находящийся за холмами». До него 260 километров. Оба эти поселка — за полярным кругом. Севернее мыса Семена Дежнёва, недалеко от Уэлена, есть поселок Инчоун. Наконец, в сорока километрах западнее Лаврентия находится поселок Лорино. Вот и все. Еще недавно существовали и другие поселки: Аккани, Дежнёво, Чегитун. Эти прибрежные селения, наряду с Нунямо, Науканом и с десятком других поселков, теперь не существуют. Жители их переместились в основном в Лаврентия или в Лорино. Сейчас население Чукотского района насчитывает немногим более пяти тысяч.

Расцвет Лаврентия пришелся на семидесятые и восьмидесятые годы. Аэропорт принимал по несколько самолетов в день, а вертолетам и вовсе не было счета. По свидетельству лаврентьевцев, пилоты, слетавшиеся сюда со всех концов страны, называли поселок — Маленьким Парижем, за обилие в нем красивых женщин, к тому же одиноких. Кто-то разлюбил, кому-то изменили, кого-то обманули — мало ли чего в нашей жизни происходит такого, после чего хочется бежать куда глаза глядят. Женщины предпочитали край света. Они бежали сюда от неудач, горя и разочарований, бежали в надежде обрести покой, а при случае — новое счастье. Нередко приезжали беременные, чтобы здесь родить и уже вместе с ребенком возвратиться на материк. Приезжали, рожали да так и оставались.

Но кого жизнь чаще всего гонит? Кого преследует и наказывает? Красивых, горделивых, знающих себе цену, не желающих мириться с обстоятельствами... Так происходил естественный отбор. К тому же здесь было совсем не плохо: зарплата высокая, снабжение продуктами под стать Москве, одевались по последней моде. От благополучия манеры становились изысканными, голос мягче, формы утонченнее. Приехавшие красавицы работали в основном в торговле и медицине. Они были прекрасными хозяйками, умели вести быт, отлично готовили. Конечно же, летчики, особенно военные, не оставляли такое добро без внимания и стремились сюда во что бы

то ни стало. Отдав себя в руки лаврентьевских женщин, они обволакивались заботой и вниманием, лаской и теплотой. Парижанам такое и не снилось! О Лаврентия ходили легенды... Сейчас от этого не осталось и следа, если не считать нескольких красавиц бальзаковского возраста и их не менее красивых дочерей. Это не мало, но недостаточно, чтобы сюда рвались летчики.

Что такое Лаврентия сейчас: поселок? село? населенный пункт?

Официально считается селом, но так Лаврентия называть нельзя из-за отсутствия церкви. Для деревни Лаврентия слишком цивилизован. Поселок? Кажется, подходит больше, но Лаврентия все-таки районный центр. Город? Но всякий, кто здесь был, признает, что это не город.

Как зовутся тысяча четыреста его жителей?

Себя они именуют лаврентьевцами, что было бы верно, если бы поселок назывался Лаврентьево. Жителей здешних правильнее называть лаврентийцами, подобно тому как живущих во Флоренции называют флорентийцами.

Если сияющий желтыми огнями Билибино напоминает курорт, а в архитектуре заметен здравый смысл, если в архитектуре Анадыря смысла нет, как нет его в архитектуре всех советских городов, то Лаврентия выглядит и вовсе недоразумением.

Большинство домов здесь двухэтажные, но есть несколько пятиэтажек, более комфортабельных и надежных. Кроме них, имеются трехэтажное административное здание, Дом культуры, несколько корпусов больницы и прочие строения. Все эти здания развернуты в одном направлении и почти все расположены вдоль одной улицы, вытянутой километра на полтора. Также параллельно этой улице проложена и взлетная полоса аэродрома, отчего летчики иногда путаются в выборе места посадки. И только одно здание стоит наискось, словно назло остальным. Это школа. Видимо, в тот день, когда дошла очередь до ее постройки, строителихватили лишнего, а протрезвев, возобновили строительство, и следующие за школой дома вновь соответствуют общему направлению. По

другой версии, школу построили наискось, чтобы ее обходила пурга. Но тогда что мешало расположить таким же образом остальные здания?

Без снега Лаврентия предстает мрачным и угрюмым. Вынесенные наружу коммуникации добавляют еще и элемент неухоженности, словно надетая наизнанку рубашка. Черные железные трубы копят и без того серое небо, а сами котельные, увенчанные этими трубами, издают непрерывный шум, в точности напоминающий рев самолета, отчего жителям близлежащих домов должно чудиться, будто они пребывают в постоянном полете. За зданием администрации черно от угля, куча которого возвышается у котельной, но с течением времени расползается. Впервые за время пребывания на Чукотке мои ботинки покрылись пылью, что было непредставимо в Анадыре, тем более в Билибино. В центре поселка, если Лаврентия вообще имеет центр, разбросаны кучи мусора, в которых можно опознать развалины бывших строений. В развалинах шныряют несчастные собаки, которые до того трусливы, что пугаются взять корм. Прохожие, в большинстве своем коренные жители, одеты неопрятно и очень бедно. Чукчанки — в изношенных драповых пальтишках и шапочках из искусственного меха. Несколько чукчей, проходя мимо, здороваются первыми, и это пока единственное светлое пятно на фоне первых впечатлений. Рядом с домами стоят железные контейнеры, судя по всему давно брошенные, и сколоченные кое-как бесформенные деревяннные сарайчики. По улицам ездят редкие и диковинные агрегаты — симбиоз трехколесного велосипеда и трактора. В этих громахующих тарантасах на огромных колесах сидят такие же странные существа, которые куда-то несутся. Иногда проезжают со страшным шумом снегоходы «Буран», волоча сани, груженные самым разнообразным хламом. Ездят эти снегоходы по гравию, потому что снега здесь нет, а дороги Лаврентия не знают асфальта. Мой провожатый, работник администрации, показывал магазины, где мне предстоит покупать продукты, и рассказывал о поселке, но я его не слышал... Никогда

я не видел столь откровенной дыры и с ужасом думал, что мне предстоит пробыть здесь целую неделю...

До сих пор я был волен в передвижениях и, если меня удручали угрюмость местности или неприятные физиономии, тотчас уезжал. Неприязнь гасилась возможностью беспрепятственного отъезда. Но из Лаврентия уехать невозможно...

После того как меня представили главе администрации района, я первым делом, но весьма деликатно, поинтересовался насчет рейса в Анадырь. Меня обнадежили и проводили к месту обитания, предоставив для жилья огромную четырехкомнатную квартиру, в которой коридоры, ванная и кухня были еще большими, чем сами комнаты. Здесь есть телефон, отдельный вход и даже автономные коммуникации, что не случайно: в квартире еще недавно проживал прежний глава администрации. Лучшего жилища здесь нет, и, если бы в Лаврентия прибыли президенты России, США или даже сам Римский Папа, их бы тоже разместили в этих апартаментах.

Осмотрев квартиру, я выбрал одну из комнат и приспособил все для проживания и работы...

Как важно, чтобы все было разложено, расставлено, чтобы рядом находились мои безмолвные спутники и надежные помощники, чтобы они были на виду, под рукой, в одном месте: коротковолновый радиоприемник, фотоаппарат, диктофон, часы, бумаги с записями и чистые листы, авторучки и книги, которые я приобрел уже на Чукотке, но главное, чтобы со мной был мой спальный мешок, в котором я мог бы укрыться. В квартире холодно. Батареи едва теплые. Но для меня заботливые лаврентьевцы принесли обогреватель. Что еще? Еще нужна настольная лампа. Без неё нет уюта, нет ощущения тепла, нет замкнутости и нет тишины. Яркий свет создает шум и вызывает тревогу. За квартирой присматривает пенсионерка Евгения Ивановна. Она принесла из дому спасительную настольную лампу, и теперь я работоспособен. Мое лаврентьевское гнездо готово! Здесь я буду жить, и на какое-

то время центр моего мира будет находиться на краю Земли, у Берингова пролива. Отныне эта самая удаленная точка — часть моей биографии...

Осматривая свое жилище, я нашел несколько старых советских журналов и среди них — листочек с текстом песни о Лаврентия. Автор слов и музыки некто С.Ткаченко.

*Порою тут бывает очень трудно,
Но весело в любое время года.
И понедельник днем тяжелым здесь не будет,
Здесь праздник, если летная погода.*

Припев:

*Пускай пройдут года, пройдут столетия,
Кому-то все равно ты будешь дорог,
Как нам сейчас, любимый наш Лаврентия,
Пусть не большой, зато родной поселок.*

*Пускай пурга смеется днем и ночью,
И дождь со снегом с воем бьют в стекло,
Пускай не Ялта здесь, и пусть не Сочи,
Нам даже в непогоду здесь тепло.*

Припев.

*И в ясную погоду и в ненастье
Любимее нет в мире ничего,
И только здесь найду свое я счастье,
А впрочем-то, уже нашел его.*

На обороте, от руки (явно женской), выведен куплет песни о комсомольцах-добровольцах: «...Видеть солнце порой
предрассветной, / Только так можно счастье найти! /
Подниматься в небесную высь, / Опускаться в глубины

морские...» Прочитав еще и *это(!)*, я, несмотря на усталость, долго не мог уснуть. Перед моими глазами предстал хмурый поселок с грудями развалин, посреди которых стояла хрупкая женщина с длинными русыми волосами и в очках. Ей, новой начальнице, предстоит со всем этим что-то делать...

Мне захотелось поскорее отсюда убраться. Хотя бы в Анадырь. Я клял себя за то, что притащился сюда неизвестно зачем. Но еще больше мне хотелось посмотреть на этого самого С.Ткаченко, узнать, откуда он, кто у него родители... Я никак не мог представить, что должен человек в своей жизни повидать, что пережить и через какие тернии пройти, чтобы убогий Лаврентия так засиял для него?

У Т Р О В П Р О Л И В Е

Берингов пролив, 15 июня (от нашего спец.корра)

«Не успев потухнуть, зарево заката запламенело вновь. Легкий ветерок зарябил перламутровую пленку едва уснувшего пролива, застучал в палатки зверобоев одеждой и обувью, вывешенными для просушки. Из Чукотского моря всплыло яркое полярное солнце и вдоль пролива прочертило по воде Международную линию дня... Это значило, что на востоке двух великих материков началось утро.

Первым, под парусом, отвалил от берега вельбот комсомольцев бригады Хухункауна. За ним потянулись другие. С воспаленными от долгого недосыпания глазами, поторапливают охотников председатель райисполкома товарищ Отке и работник — Кочемалкин. Отке сам родился и вырос на этих берегах. Он знает все думы и чаяния охотников. И сейчас, утром, опять щемит его сердце: подызносились моторы, почти нет пригодных свечей. А морж идет...

Его думы прерывают первые выстрелы. Он всматривается в даль. Но впереди только вода, остров да берега Аляски. Далеко уже ушли зверобои. Рядом, на маяке, Коваленко чинит бригаде мотор. Село еще спит. А с моря уже пришли с добычей передовые промысловые бригады. Берег оживает снова. Около боевого листка, отражающего промысел вчерашнего дня, слышится смех. Но Теркинто, Утоюку, Энмонту совсем не весело... Это они плетутся в хвосте.

Ветер крепчает. Море начинает штормить. Бригадиры спешат к берегу. И когда просыпается поселок — на берегу уже много шкур, мяса, жира, клыков.

Утро растворяется в дне. Промысловики ждут погоды, чтобы снова идти в море выполнять свои социалистические обязательства, свое обещание, данное товарищу Сталину.

Г.БОЛЕИН

«Советский Уэлен». 30 июня 1945 г.

**СООБЩЕНИЕ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ
СОВЕТ РСФСР В УЭЛЕНЕ
28 июня 1938 г.**

В Уэлене сто процентов избирателей участвовало в голосовании!

К 11 часам дня все трудящиеся чукчи Уэлена проголосовали. В 20 часов опустил свой бюллетень дежурный радист полярной станции. 248 избирателей числилось по Уэленскому избирательному участку. Все они отдали свои голоса дочери нашей великой Родины Зинаиде Ивановне Дьяконовой. Ровно в 12 часов ночи председатель комиссии эскимос Каврахгин объявил о закрытии голосования. Члены комиссии подсчитали голоса за нашего кандидата. 248 избирателей участвовали в голосовании. Тем самым

националы социалистической Камчатки выразили безграничную любовь и преданность партии большевиков.

ТУЛУПОВ, «Камчатская правда», 1938 г., 28 июня

СЕВЕРЯНЕ СДЕЛАЛИ ВЫБОР

Все-таки мы молодцы. Мы все. Избиратели. Как бы ни предсказывали политологи-пессимисты, а политическая активность северян оказалась одной из самых высоких в Российской Федерации. Так, по предварительным данным, в выборах приняло участие 70 процентов избирателей Чукотского автономного округа. Но даже на этом высоком фоне наш Чукотский район смотрится прекрасно. По данным территориальной избирательной комиссии к урнам 19 декабря пришло почти 80 процентов жителей сел.

В Лаврентия не было еще и 8 часов утра, а у дверей избирательного участка собралась уже довольно внушительная группа тех, кто решил выполнить свой гражданский долг в числе первых. Были среди них работники жилищно-коммунального хозяйства, учителя, медики, безработные... Первым, опустившим в урну свои бюллетени, оказался Аркадий Тагрыт, которому и вручили памятный приз как первому проголосовавшему в День выборов. А уже к 10 часам утра в целом по району проголосовало более 25 процентов избирателей. А по отдельным селам этот показатель был еще выше. Например, в Энурмино и Инчоуне соответственно 67,7 и 51,1 процента...

*«Народ и власть». Еженедельный пресс-бюллетень
Совета депутатов и администрации Чукотского района.
21 декабря, 1999 г.*